

ПОСЛЕ РАЗВОДА. МНЕ *(не)* БОЛЬНО

УЛЬЯНА СОВОЛЕВА

Ульяна Соболева

После развода. Мне (не) больно

<https://litres.ru/74425578>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда мы остались одни, я посмотрела на Дениса.

- Ты спишь с ней?

- Это не твоё дело.

- Не моё?! Я твоя жена!

- Пока ещё. Но скоро это изменится.

- Ты... ты чудовище. Законченное чудовище. Как ты мог?

Как ты мог привести её сюда?

Он посмотрел на меня, и в его глазах был такой холод, что я поёжилась.

— Я делаю то, что хочу. И если тебе это не нравится, можешь собирать вещи и уходить. Прямо

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	29
Глава 4	35
Глава 5	40
Глава 6	48
Глава 7	57
Глава 8	67
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Ульяна Соболева

После развода.

Мне (не) больно

После развода. Мне (не) больно

Ульяна Соболева

Аннотация:

Когда мы остались одни, я посмотрела на Дениса.

– Ты спишь с ней?

– Это не твоё дело.

– Не моё?! Я твоя жена!

– Пока ещё. Но скоро это изменится.

– Ты... ты чудовище. Законченное чудовище. Как ты мог?

Как ты мог привести её сюда?

Он посмотрел на меня, и в его глазах был такой холод, что я поёжилась.

– Я делаю то, что хочу. И если тебе это не нравится, можешь собирать вещи и уходить. Прямо сейчас.

Предательство бывает разным. Иногда это ложь. Иногда – обман. А иногда это когда твой муж приводит другую женщину в ваш дом. В дом, где спят ваши дочери. В дом, который через несколько дней перестанет быть нашим. И дела-

ет это демонстративно, нагло, не скрываясь. Чтобы унижить тебя. Чтобы показать, что ты ничего не значишь. Что ты – пустое место.

– Я не уйду одна, – тихо сказала я, выпрямляясь. – Я заберу девочек. И мы уйдём. Но знай – я никогда тебе этого не прощу.

– Как хочешь, – пожал плечами он. – Вероника всё равно будет приходить сюда. И скоро это будет её дом. А ты будешь где-то снимать однушку на окраине. Подумай об этом.

Глава 1

Я всегда верила, что счастье – это когда тебе не нужно ничего объяснять. Когда ты просыпаешься утром и точно знаешь, что мир вокруг тебя правильный, выстроенный по твоим законам, пропитанный твоим смыслом. Что у тебя есть всё. Всё, что может желать женщина. Любящий муж. Две прекрасные дочери. Дом, который не просто крыша над головой, а целая вселенная, где каждый предмет хранит частичку нашей общей истории. Я верила в это так сильно, что счастье стало моей второй кожей – я носила его легко, не замечая тяжести, не чувствуя, как оно сковывает движения, готовясь в любой момент треснуть и осыпаться к чёртовой матери.

Говорят, что женщина должна быть загадкой. Чушь собачья. Женщина должна быть якорем. Тихой гаванью, где твой мужчина может укрыться от штормов внешнего мира, где он снимает маски и становится самим собой. Где ему не нужно доказывать, что он достоин. Он уже достоин. Просто потому, что он – твой.

Именно такой я была для Дениса. Его тихой гаванью. Его якорем. Его домом.

А он был моим миром.

Боже, как же пошло это звучит сейчас, когда я вспоминаю.

Но тогда... тогда это была правда. Самая чистая, ослепительная правда, которая обжигала изнутри и заставляла биться сердце так сильно, что, казалось, грудная клетка не выдержит.

Наш пентхаус на тридцать втором этаже был не просто квартирой. Это было наше королевство, наша крепость над облаками. Панорамные окна от пола до потолка, сквозь которые город внизу казался игрушечным, нереальным, словно мы парили над всем этим суетным муравейником. По утрам солнце заливало гостиную золотым светом, отражаясь в итальянском мраморе и хрустальных люстрах. А по вечерам, когда город внизу зажигался миллионами огней, мы с Денисом стояли у этих окон, обнявшись, и я думала: «Вот оно. Вот моё счастье. Такое осязаемое, что можно потрогать».

Дизайнерская мебель, картины современных художников, отдельные комнаты для девочек с их игрушками и книгами, наша спальня с огромной кроватью, на которой можно было спать вчетвером... Всё было идеально. Слишком идеально, если подумать. Как музейная экспозиция под названием «Успешная семья». Но я не думала об этом тогда. Я просто жила в этой идеальности, как рыба в воде, не задаваясь вопросами.

Аня и Лиза. Мои девочки. Восемь и шесть лет. Аня – серьёзная, вдумчивая, с огромными карими глазами, в которых читалась недетская мудрость. Лиза – сорванец, хохотушка, вечно путающаяся под ногами, вечно требующая внима-

ния. Обе – копии Дениса. Тот же разрез глаз, те же скулы, та же улыбка, от которой хотелось жить. Когда я смотрела на них, во мне разливалось тепло, такое густое и вязкое, что становилось трудно дышать от избытка чувств.

Материнство – это когда твоё сердце живёт вне твоего тела. В двух маленьких существах, которые могут разбить его в любую секунду своей болью. Но которые также способны склеить все осколки одной-единственной фразой: «Мама, я тебя люблю».

Я была счастлива. До одури. До потери пульса. До той степени, когда начинаешь бояться, что это всё окажется сном.

И я не ошиблась. Это действительно был сон. Просто я ещё не знала, что кошмар уже стоит за дверью, готовый ворваться и разорвать мою идеальную жизнь на куски.

В тот вечер Денис вернулся поздно. Это была сложная операция – аортокоронарное шунтирование, пациент с критическим стенозом. Семь часов в операционной. Я знала, что он вымотан до предела, видела это по его сообщениям: короткие, без эмоций, чисто информативные. «Ещё два часа», «Почти закончили», «Еду домой».

Я уложила девочек спать, хотя Лиза, как всегда, канючила:
– Мамочка, а когда папа придёт? Я хочу показать ему мой рисунок!

– Завтра, солнышко. Папа очень устал, он спас сегодня жизнь одному дяде. Нужно дать ему отдохнуть.

– А папа всегда спасает жизни? – серьёзно спросила Аня, уже лёжа в постели и разглядывая потолок.

– Всегда, – улыбнулась я, поправляя одеяло. – Папа – герой.

– Как супермен? – восторженно выдохнула Лиза.

– Лучше, – ответила я и поцеловала их обоих в лоб. – Спите, мои любимые.

Когда дверь детской закрылась за мной, я прислонилась к стене и выдохнула. В груди что-то сжалось, острая, почти болезненная нежность к этому человеку, который был отцом моих детей. К этому мужчине, который каждый день уходил на работу, чтобы буквально вытаскивать людей с того света. Гордость распирала меня изнутри, тёплая и сладкая, как мёд.

Денис Князев. Блестящий кардиохирург. Светило медицины. Его имя было на слуху в профессиональных кругах, о нём писали в медицинских журналах, его приглашали на международные конференции. В тридцать пять лет он уже возглавлял отделение в одной из лучших клиник страны – «Сердце Жизни». Говорили, что у него золотые руки. Что он может спасти даже тех, от кого отказались другие хирурги.

А ещё он был моим мужем. И это было самое невероятное из всего.

Я накрыла стол на кухне: лёгкий ужин, который можно быстро разогреть. Знала, что после операции он не захочет ничего тяжёлого. Овощной салат, запечённая рыба, зелёный чай. Зажгла свечи – не для романтики, а чтобы создать мяг-

кий, успокаивающий свет. Переоделась в домашнее платье, лёгкое, струящееся, в котором было комфортно, но которое подчёркивало фигуру.

Я не была красавицей в классическом понимании. Не той женщиной, которая останавливает движение, когда входит в комнату. Моя красота была тихой, мягкой, требующей времени, чтобы разглядеть. Большие серо-голубые глаза, которые Денис называл «цветом осеннего неба после дождя». Русые волосы до лопаток, густые и послушные. Нежные черты лица, мягкие губы, румянец, который появлялся от любой эмоции. Фигура, которая после двух родов требовала усилий, чтобы оставаться в форме, но я старалась. Ради себя. Ради него.

Когда я услышала, как открывается входная дверь, сердце подпрыгнуло, как у девчонки. Десять лет вместе, а я всё ещё замирала, когда он возвращался домой.

Любовь – это когда ты никогда не привыкаешь к человеку. Когда каждая встреча – как первая. Когда ты боишься его потерять так сильно, что этот страх становится частью тебя, чёрной тенью, живущей на дне души.

Денис вошёл в кухню, и я ахнула, увидев его лицо. Он был измотан. Глубокие тени под глазами, бледность, которая делала его лицо почти прозрачным, напряжённая линия губ. Но когда он увидел меня, что-то в его взгляде смягчилось.

– Привет, – устало улыбнулся он, снимая пиджак и вешая его на спинку стула.

– Привет, мой герой, – тихо ответила я, подходя к нему.
– Как операция?

– Сложно. Но он выживет. – Денис провёл рукой по лицу, и я увидела, как дрожат его пальцы. – Господи, Катя, там было столько осложнений... Я думал, мы его потеряем.

Я обняла его, прижалась щекой к его груди, чувствуя, как быстро бьётся его сердце. Он всегда так переживал за своих пациентов. Пропускал их боль через себя, выгорал и восстанавливался, чтобы снова идти в операционную.

– Но ты справился. Ты всегда справляешься, – прошептала я, чувствуя, как его руки обнимают меня, крепко, почти отчаянно.

– Иногда мне кажется, что я больше не могу. Что в следующий раз я не справлюсь, – глухо сказал он, и в его голосе прозвучала такая усталость, что у меня сжалось сердце.

– Можешь. Потому что ты – Денис Князев. Потому что у тебя золотые руки и большое сердце. И потому что я в тебя верю.

Он усмехнулся, но в этом смехе не было радости.

– Ты слишком много веришь в меня, Катюша.

– Нет такого понятия, как «слишком много», когда речь о любви.

Мы стояли так несколько минут, молча, просто держа друг друга. А потом я отстранилась и взяла его за руку.

– Иди умойся. Я разогрею ужин. Девочки ждали тебя, но я уложила их спать. Лиза хотела показать тебе рисунок.

– Покажет завтра, – кивнул Денис и направился в ванную.

Я смотрела ему вслед и думала о том, как же мне повезло.

Как же, чёрт возьми, мне повезло с этим человеком.

Счастье – это иллюзия безопасности. Это когда ты уверена, что твой мир незыблем. Что ничто не может его разрушить. Что твоя любовь – это крепость, а не карточный домик.

Я была такой наивной душой.

Ужин прошёл в тишине. Денис ел медленно, задумчиво, явно витая где-то далеко. Я не мешала ему, просто сидела рядом, потягивая чай, изредка бросая на него взгляды. Он всегда был таким после сложных операций – будто часть его души оставалась там, в операционной, с пациентом.

– Как девочки? – наконец спросил он, отодвигая пустую тарелку.

– Замечательно. Аня получила пятёрку по математике. Лиза выучила стихотворение Барто и весь вечер декламировала его мне, папе и даже коту.

Денис улыбнулся, и на его лице появилось то тепло, которое я так любила.

– Наш маленький артист.

– Да. Она в тебя. Яркая, харизматичная, все вокруг очаровывает.

– А Аня – в тебя. Тихая, мудрая, глубокая.

Я потянулась и накрыла его руку своей.

– Мы с тобой создали нечто прекрасное, Денис.

Он перевернул руку ладонью вверх и сжал мою, глядя мне в глаза.

– Ты создала. Ты – моё всё, Катя. Моя семья. Мой дом. Моя... жизнь.

В его голосе прозвучало что-то странное. Что-то, что заставило меня насторожиться. Какая-то отчаянная нота, словно он прощался. Словно хотел запечатлеть этот момент навсегда.

– Всё в порядке? – осторожно спросила я.

– Да, – быстро ответил он. Слишком быстро. – Просто устал. Очень устал.

Я хотела спросить ещё что-то, но он встал, обошёл стол и притянул меня к себе. Его губы накрыли мои, жадно, почти грубо, и я ахнула от неожиданности. Обычно Денис целовал меня нежно, мягко, с какой-то трепетной осторожностью. А сейчас в его поцелуе была отчаянная страсть, голод, который он обычно скрывал.

Когда он оторвался от моих губ, его дыхание было прерывистым, а глаза – тёмными.

– Пойдём, – хрипло сказал он.

Я кивнула, не в силах произнести ни слова. Сердце колотилось где-то в горле, по телу разливалось жаркое предвкушение.

Мы прошли в спальню, и он закрыл дверь на ключ. Никогда раньше он этого не делал. Но сегодня... сегодня было что-

то особенное. Что-то, что я не могла понять, но чувствовала каждой клеткой.

Свет луны лился через панорамные окна, заливая комнату серебром. Город внизу мерцал огнями, но для нас его не существовало. Существовали только мы двое.

Денис подошёл ко мне, медленно, словно боялся спугнуть. Его руки легли на мои плечи, скользнули вниз, к талии, притягивая меня ближе. Я чувствовала тепло его тела, запах его кожи, лёгкий аромат антисептика, который всегда сопровождал его после работы.

– Я люблю тебя, – прошептал он, целуя мой лоб, виски, щёки. – Так сильно, что иногда не могу дышать.

– Я тоже тебя люблю, – выдохнула я, запрокидывая голову, чтобы дать ему доступ к шее. – Всегда любила. Всегда буду.

Его губы скользили по моей коже, оставляя огненный след. Руки расстёгивали молнию на моём платье, медленно, почти благоговейно. Когда ткань соскользнула на пол, я осталась перед ним почти обнажённой, и он замер, глядя на меня так, словно видел впервые.

– Ты прекрасна, всегда прекрасна...– сказал он, и в его голосе была боль. Почему боль? – Моя жена. Моя Катя.

Он поднял меня на руки – я всегда любила, когда он так делал, чувствуя себя хрупкой, защищённой – и понёс к кровати. Уложил бережно, словно я была из фарфора. А потом медленно, не отводя взгляда, стянул рубашку, расстегнул ре-

мень.

Я смотрела на него, на его тело, которое знала наизусть. Широкие плечи, крепкая грудь, плоский живот. Шрам на левом боку – след от аппендицита в юности. Родинка на правом плече, которую я целовала тысячу раз.

Когда он лёг рядом, я прижалась к нему всем телом, и мы замерли, просто чувствуя друг друга. Биение его сердца под моей ладонью. Тепло его кожи. Дыхание, которое становилось всё более прерывистым.

– Катя, – позвал он, и в его голосе была мольба. О чём? Я не знала.

– Я здесь. Я всегда здесь.

Его руки скользили по моему телу, изучая каждый изгиб, каждую линию. Нежно, медленно, словно он хотел запомнить. Его губы следовали за руками, целуя, лаская, вызывая дрожь по всему телу.

Когда он наконец вошёл в меня, я выгнулась навстречу, вцепившись в его плечи. Это было не просто физическое слияние. Это было нечто обжигающее невероятное по своей силе, сводящее с ума настолько, что я стонала его имя выгибаясь навстречу.

Мы двигались медленно, в одном ритме, глядя друг другу в глаза. Я видела в его взгляде что-то, что не могла назвать. Отчаяние? Прощание? Мольбу?

– Не отпускай меня, – прошептала я, чувствуя, как волна удовольствия накатывает всё сильнее. – Никогда не отпус-

кай.

– Никогда, – пообещал он, и в этом слове было столько боли, что у меня защипало глаза. – Клянусь.

Когда мы вместе сорвались в адский омут наслаждения, я вскрикнула, вцепившись в него так сильно, что, наверное, оставила следы. А он зарылся лицом в мои волосы, и я почувствовала что-то влажное на своей щеке.

Слёзы.

Денис плакал.

– Что случилось? – испуганно спросила я, пытаюсь заглянуть ему в лицо.

– Ничего, – быстро ответил он, целуя меня. – Просто счастлив. Так чёртовски счастлив, что больно.

Я поверила ему. Потому что хотела верить. Потому что не могла представить, что за этими слезами скрывается что-то другое.

Мы лежали в темноте, переплетённые, и я слушала его дыхание, постепенно становящееся ровным. Думала о том, что это и есть моё счастье. Этот момент. Этот мужчина. Эта жизнь.

Я не знала, что это наш последний спокойный вечер.

Я не знала, что завтра он начнёт превращаться в чудовище.

Я не знала, что через несколько дней моя жизнь взорвётся к чёртовой матери, и от моего счастья останутся только осколки.

Но в ту ночь я была счастлива. До одури. До потери пульса.

В последний раз.

Утром я проснулась от того, что Денис уже не было рядом. Я потянулась, нащупывая его половину кровати, и нашла только холодную простынь. Он ушёл рано, как всегда. Наверное, в клинику.

Я встала, накинула халат и подошла к окну. Город внизу просыпался, заливаясь утренним светом. Всё было как обычно. Привычно. Спокойно.

Почему же у меня внутри всё сжалось в тревожный комок?

Я отмахнулась от этого чувства, списав на гормоны или недосып. Пошла будить девочек, готовить завтрак, погружаться в рутину нашей идеальной жизни.

Не зная, что рутина закончилась.

Не зная, что в клинике, в кабинете главы фармацевтической корпорации, Денис узнал страшную правду.

Не зная, что часы начали отсчитывать время до конца нашего мира.

Я была счастлива.

А счастье, как известно, любит тишину.

Потому что когда оно кричит о себе во весь голос, судьба обязательно услышит.

И придёт забрать своё.

Глава 2

Есть такое понятие – интуиция. Шестое чувство. Когда твоё тело, твоя душа начинают чувствовать опасность раньше, чем разум успевает её осознать. Когда всё вокруг выглядит нормально, но внутри что-то сжимается в тревожный комок, и ты не можешь понять – почему.

Именно это я почувствовала на следующий день после той прекрасной ночи. Когда проснулась одна в нашей огромной постели, нащупала холодную простынь на его половине и поняла, что Денис уже ушёл. Рано. Слишком рано. Даже не разбудил меня, не поцеловал на прощание, как делал всегда.

Первая трещина. Тонкая, почти незаметная. Но именно с неё начинается разрушение.

Я встала, накинула халат и прошла на кухню. На столе – записка. Его быстрый, размашистый почерк: «Срочный вызов в клинику. Вернусь поздно. Целую. Д.»

Сухо. Формально. Без тех нежных слов, которыми он обычно заканчивал свои записки. «Моя любимая», «Скучаю уже», «Ты – моё всё». Ничего. Просто факт и подпись.

Ерунда, сказала я себе. Просто устал. После вчерашней операции он выматывается, это нормально. Всё в порядке.

Самообман – это когда ты видишь трещину, но убеждаешь себя, что это просто царапина. Ничего страшного. Само

пройдёт. Заживёт. Ты отворачиваешься, делаешь вид, что не заметила, потому что боишься признать очевидное. Боишься, что если присмотришься, то увидишь, что трещина гораздо глубже, чем кажется. Что она может разрушить всё.

Я разбудила девочек, приготовила завтрак, занялась рутиной. Аня серьёзно жевала кашу, погружённая в свои восьмилетние мысли. Лиза болтала без умолку о вчерашней прогулке, о том, как она видела бабочку, о новой песенке, которую разучила в садике.

– Мама, а папа придёт сегодня пораньше? – спросила она, глядя на меня своими огромными голубыми глазами.

– Не знаю, солнышко. У папы сейчас много работы.

– А вчера тоже была работа, – заметила Аня. – И позавчера. Папа всегда работает.

В её голосе прозвучала обида. Детская, искренняя обида ребёнка, которому не хватает внимания отца.

– Папа спасает жизни, – мягко сказала я, глядя её по голове. – Это очень важная работа.

– Мы тоже важные, – упрямо ответила Аня.

И я не нашлась, что ей сказать. Потому что она была права. Чертовски права.

День тянулся медленно. Я занималась домашними делами, встречалась с подружкой на ланч, забрала Лизу из садика, отвела Аню на танцы. Обычная рутина, которая обычно успокаивала меня, давала ощущение стабильности, порядка.

Но сегодня рутина не помогала. Внутри сидела тревога, тяжёлая и липкая, как смола. Она расплзалась по венам, сковывала дыхание, заставляла сердце биться чаще.

Что-то не так. Что-то не так с Денисом.

Я попыталась позвонить ему в обед. Не ответил. Написала сообщение: «Как дела? Всё в порядке?» Ответ пришёл через два часа: «Нормально. Занят».

Сухо. Отстранённо. Совсем не похоже на моего Дениса, который обычно находил время написать мне хотя бы несколько тёплых слов, даже если был по горло в работе.

Вторая трещина. Чуть глубже. Чуть заметнее.

Вечером я накрыла стол к ужину. Лазанья – его любимое блюдо. Зажгла свечи. Надела платье, которое ему нравилось. Накрасилась легонько. Хотела порадовать его, вернуть ту близость, ту нежность, которая всегда была между нами.

Он пришёл в девять вечера. Усталый, с тёмными кругами под глазами, с каким-то отсутствующим взглядом. Я бросилась к нему, обняла, но он ответил на объятие вяло, механически, словно я была не женой, а просто знакомой.

– Как дела? – спросила я, заглядывая ему в лицо. – Ты выглядишь измотанным.

– Нормально, – буркнул он, проходя мимо меня в гостиную. – Тяжёлый день.

– Я приготовила твою любимую лазанью.

– Я не голоден.

– Но ты ничего не ел весь день!

– Катя, не начинай, – резко оборвал он меня, и я вздрогнула от неожиданности. Он никогда так со мной не разговаривал. Никогда. – Я сказал, что не голоден. Мне нужно поработать.

Он прошёл в свой кабинет и закрыл дверь. Не поцеловав меня. Не спросив про девочек. Даже не взглянув на стол, который я так старательно накрыла.

Я осталась стоять посреди гостиной, чувствуя, как внутри всё холодеет. Это было неправильно. Это было так чертовски неправильно.

Отвержение – это когда человек, которого ты любишь, проходит мимо тебя, как мимо пустого места. Когда он даже не смотрит на тебя. Когда ты чувствуешь себя невидимой, ненужной, лишней в собственном доме. И ты не понимаешь – почему. Что ты сделала не так. В чём твоя вина.

Я погасила свечи. Убрала ужин в холодильник. Села на диван и смотрела на закрытую дверь кабинета, пытаюсь понять, что происходит с моим мужем.

Может быть, правда проблемы на работе? Может быть, он потерял пациента? Это всегда выбивало его из колеи. Он так близко к сердцу принимал каждую смерть, каждую неудачу.

Но раньше он приходил ко мне. Рассказывал. Искал утешения в моих объятиях. А сейчас он закрылся. Оттолкнул меня.

Почему?

Следующие дни были как медленная пытка. Денис всё больше отдалялся от меня. Он уходил рано утром, возвращался поздно вечером. Почти не разговаривал. На мои вопросы отвечал односложно, раздражённо. Избегал моего взгляда. Избегал прикосновений.

Девочки тоже заметили. Лиза спросила:

– Мама, почему папа такой злой? Он на нас сердится?

Сердце разрывалось на части.

– Нет, солнышко. Папа просто очень устал. У него много работы.

– Но он даже не играет с нами, – тихо добавила Аня. – Он не читает нам сказки на ночь. Он даже не обнимает нас.

Что я могла им сказать? Как объяснить, что я сама не понимаю, что происходит? Что их отец превращается в чужого человека, и я не знаю, как это остановить?

Я попыталась поговорить с ним. В очередной раз. Когда он сидел в кабинете, уткнувшись в ноутбук.

– Денис, нам нужно поговорить.

– Не сейчас, Катя. Я занят.

– Ты всегда занят! – голос сорвался на крик, хотя я не хотела кричать. – Ты избегаешь меня, избегаешь детей! Что происходит?!

Он поднял глаза, и то, что я увидела в них, заставило меня замереть. Холод. Раздражение. Отстранённость.

– На работе проблемы. Серьёзные проблемы. Я должен их решить.

– Расскажи мне. Я твоя жена. Я могу помочь.

– Ты не можешь мне помочь, – отрезал он. – Это не твоё дело.

Пощёчина. Вот на что это было похоже. Словесная пощёчина, от которой всё внутри сжалось.

– Не моё дело? – повторила я, чувствуя, как слёзы подступают к горлу. – Ты – моя семья. Твои проблемы – это мои проблемы. Мы всегда всё решали вместе!

– А сейчас нет, – жёстко сказал он. – Пожалуйста, оставь меня в покое.

Я стояла в дверях, глядя на него, и не узнавала. Это не мой Денис. Не мой любящий, нежный муж. Это кто-то другой. Чужой.

Когда любимый человек смотрит на тебя, как на назойливую муху, которую хочется прихлопнуть, – это больнее любой физической боли. Это разрывает душу, оставляя кровоточащие раны, которые не заживают. И ты начинаешь сомневаться в себе. В своей ценности. В своей любви.

Я вышла из кабинета, тихо закрыв дверь. Прошла в спальню, легла на кровать и заплакала. Тихо, беззвучно, чтобы девочки не слышали.

В ту ночь я решила попробовать ещё раз. Может быть, близость вернёт нас друг к другу. Может быть, если я напому ему, что я здесь, что я люблю его, что мы – одно целое, он оттаёт. Откроется.

Когда он наконец пришёл в спальню, я уже лежала под одеялом. Он разделся молча, не глядя на меня, лёг на свою половину кровати, повернувшись спиной.

Я придвинулась к нему. Положила руку ему на плечо. Почувствовала, как он напрягся.

– Денис, – тихо позвала я. – Пожалуйста, посмотри на меня.

– Я устал, Катя.

– Мы почти не разговариваем. Ты отстраняешься от меня. Я скучаю по тебе.

Он не ответил. Я провела рукой по его спине, спустилась ниже, пытаюсь разбудить в нём желание, которое всегда было между нами. Мои губы коснулись его шеи, того места, которое всегда сводило его с ума.

Но он не отозвался. Вместо этого резко отодвинулся, сел на кровати.

– Не сейчас, Катя, – сказал он, и в его голосе была такая холодность, что я похолодела. – Голова болит.

– Голова болит? – повторила я, чувствуя, как внутри что-то ломается. – Или я тебе больше не нужна?

Он наконец посмотрел на меня. И в его взгляде не было ничего. Ни любви, ни нежности, ни даже сожаления. Пустота.

– Я устал, Катя. Мне нужно выспаться. Пожалуйста, дай мне хоть ночью отдохнуть от всех.

От всех. То есть и от меня. Его жены. Матери его детей.

Женщины, которая любит его больше жизни.

Когда мужчина отказывает тебе в близости – это не просто отказ в сексе. Это отказ в связи, в доверии, в том единстве, которое всегда было между вами. Это послание: «Ты мне не нужна». И неважно, что он говорит про усталость, про головную боль, про работу. Ты чувствуешь правду. Он отвернулся от тебя. Он выбрал одиночество вместо тебя.

Я легла на свою половину кровати, отвернувшись к стене. Слезы текли по щекам, горячие, горькие, полные боли и унижения.

Между нами легла пропасть. Широкая, холодная, безмолвная. И я не знала, как через неё перебраться. Не знала, как вернуть его.

Я лежала в темноте, слушая его ровное дыхание, и думала: что я сделала не так? Почему он меня больше не любит? Почему я вдруг стала ему чужой?

И не находила ответов.

Утром он ушёл раньше обычного. Даже не попрощался. Просто взял свои вещи и вышел за дверь.

Я встала, подошла к окну, смотрела, как он садится в машину и уезжает. И чувствовала, как внутри разрастается страх. Липкий, тошнотворный страх, что я теряю его. Что мой муж, моя любовь, моя жизнь уходит от меня, и я не могу этого остановить.

Страх потери – это когда твоё сердце превращается в ку-

сок льда. Когда ты не можешь дышать полной грудью, потому что в груди постоянно сжимается тиски. Когда каждая мысль о будущем вызывает панику, потому что ты не представляешь, как жить без него.

Я вернулась в спальню, села на кровать, обхватила себя руками. Попыталась успокоиться. Найти рациональное объяснение.

Может быть, у него правда серьёзные проблемы на работе. Может быть, он просто переживает кризис, и ему нужно время. Может быть, я слишком много требую от него, слишком давлю.

Или может быть, он разлюбил меня.

Эта мысль пронзила меня, как удар ножом. Острая, невыносимая боль, от которой захотелось закричать.

Нет. Нет, это невозможно. Мы так любили друг друга. Он клялся, что никогда не отпустит меня. Клялся всего несколько дней назад!

Но клятвы ничего не значат, когда чувства умирают. Когда любовь превращается в привычку, а привычка – в тяготу.

Я не хотела в это верить. Не хотела даже допускать эту мысль. Но она засела в голове, отравляя каждую минуту, каждый вдох.

Что если я теряю его?

Что если он встретил кого-то другого?

Что если наша идеальная жизнь – всего лишь иллюзия, которая вот-вот рассыплется?

Я закрыла лицо руками и разрыдалась. Долго, отчаянно, выплёскивая всю боль, весь страх, всё отчаяние, которое накопилось внутри.

А за окном светило солнце. Город жил своей жизнью. Всё было как обычно.

Но мой мир начал рушиться.

И я ещё не знала, что это только начало. Что впереди меня ждёт такая боль, такое предательство, такое унижение, что эти дни покажутся раем.

Я не знала, что через несколько дней мой муж превратится в чудовище.

Что он разрушит меня. Растопчет. Выбросит, как мусор.

Что моя идеальная жизнь закончится в один момент, и от неё останутся только осколки, по которым я буду ходить босыми ногами, истекая кровью.

Но пока я этого не знала. Пока я просто плакала, обнимая его подушку, вдыхая его запах, и молилась, чтобы всё вернулось на свои места.

Наивная дура.

Когда мир решает тебя сломать, он делает это медленно. Сначала мелкие уколы. Потом болезненные удары. А потом – финальный, сокрушительный удар, после которого ты уже не встанешь.

И я даже не подозревала, что этот удар уже готовится.

Что моя жизнь вот-вот разлетится к чертям собачьим.

И ничто, совершенно ничто не сможет меня спасти.

Глава 3

Есть такой момент, когда человек, которого ты любишь, превращается в чужого. Не постепенно, а резко, в одну секунду. Ты смотришь на него и понимаешь, что это уже не тот человек, за которого ты выходила замуж. Это кто-то другой. Незнакомец, носящий лицо твоего мужа. И самое страшное – ты не знаешь, когда произошла подмена. Не знаешь, что стало причиной. Просто внезапно осознаёшь, что твой мир рухнул, а ты даже не заметила, как это случилось.

Тот день начался как обычно. Утро. Я проснулась одна – Денис уже ушёл, не разбудив меня, как стало его привычкой последние недели. Холодная простынь на его половине кровати, пустота в доме, тишина, которая давила на барабанные перепонки.

Я встала, накинула халат, прошла на кухню. Никакой записки. Даже этого он больше не оставлял. Просто исчезал по утрам, как призрак, и возвращался поздно вечером таким же призраком.

Девочки сидели за столом, ели кашу. Лиза тихо, без обычного щебетания. Аня вообще не притронулась к завтраку, просто смотрела в окно своими грустными карими глазами.

– Мама, а папа когда вернётся? – тихо спросила Лиза.

Я не знала. Честно говоря, мне было уже всё равно. Нет,

это неправда. Мне не было всё равно. Меня разрывало на части от того, что происходит. Но я устала. Так чертовски устала пытаться дотянуться до человека, который от меня убегает.

– Не знаю, солнышко. Папа очень занят.

Ложь. Всё ложь. Я не знала, чем он занят. Не знала, где он. Не знала, почему он превратился в ледяную статую. Не знала ничего.

Отчуждение – это когда ты живёшь с человеком под одной крышей, но между вами пропасть. Когда вы проходите мимо друг друга, как чужие люди в метро. Когда ты не знаешь, о чём он думает, что чувствует, где он провёл день. Когда твой муж становится загадкой, которую ты уже устала разгадывать.

Я отвела девочек в школу и садик. Вернулась домой. Села в гостиной с чашкой кофе и смотрела в пустоту. Должна была заняться домашними делами, встретиться с подругой, сходить за продуктами. Но не могла заставить себя пошевелиться. Просто сидела и думала: что, чёрт возьми, происходит с моей жизнью?

Телефон зазвонил около одиннадцати. Незнакомый номер. Я долго смотрела на экран, прежде чем ответить.

– Алло?

– Добрый день. Это клиника "Сердце Жизни". Вам звонят из канцелярии. Денис Александрович просил передать, что сегодня задержится на работе. Не ждите его к ужину.

– Хорошо, – выдавила я. – Спасибо.

Звонок отключился. Я осталась сидеть, сжимая телефон в руке, чувствуя, как внутри всё сжимается в тугую, болезненный узел.

Он даже не позвонил сам. Попросил секретаршу. Словно я была кем-то посторонним, кому можно передать формальное сообщение через третьих лиц.

Унижение – это не когда тебя публично оскорбляют. Это когда человек, которому ты отдала свою жизнь, обращается с тобой как с прислугой. Когда он считает, что можешь подождать. Что твои чувства не имеют значения. Что ты – просто часть интерьера, которую можно игнорировать.

Я швырнула телефон на диван и разрыдалась. Долго, отчаянно, до судорог в груди. Плакала обо всём – о нас, о девочках, о том счастье, которое умерло, не оставив даже праха. Плакала, потому что не знала, как остановить это разрушение. Не знала, как вернуть своего мужа.

Денис вернулся только в половине одиннадцатого вечера. Я не спала, хотя должна была. Сидела в гостиной с бокалом вина, который так и не выпила. Просто держала в руках, глядя на красную жидкость, думая о том, насколько она похожа на кровь. На мою кровь, которую высасывает эта ситуация.

Я услышала, как открылась входная дверь. Шаги в прихожей. Тяжёлые, медленные. Я не встала. Не побежала встречать его, как раньше. Просто сидела и ждала.

Он вошёл в гостиную, остановился в дверях. Я подняла глаза и...

Господи.

Он выглядел ужасно. Не просто уставшим. Сломленным. Измождённым. Словно прошёл через ад и обратно. Его лицо было серым, почти землистым. Глаза – пустые, какие-то мёртвые. Губы сжаты в тонкую линию. Руки висели вдоль тела безвольно, словно у марионетки, у которой обрезали нити.

Что-то случилось. Что-то очень плохое.

– Денис, – позвала я, вставая. – Что произошло?

Он посмотрел на меня. И в этом взгляде было столько боли, столько отчаяния, что у меня перехватило дыхание. На какое-то мгновение я увидела своего мужа. Того Дениса, которого любила. Того, кто был моим миром.

А потом он отвернулся, и маска вернулась на место.

– Ничего, – сухо ответил он. – Просто тяжёлый день.

– Не ври мне! – голос сорвался на крик. – Я не слепая! Я вижу, что с тобой что-то не так! Что случилось?!

– Не твоё дело, – отрезал он, проходя мимо меня к бару. Налил себе виски. Залпом выпил. Налил ещё.

Я подошла к нему, схватила за руку.

– Денис, пожалуйста, поговори со мной. Что бы ни случилось, мы вместе...

– Отпусти, – холодно сказал он, вырывая руку.

– Нет! Я не отпущу! Я твоя жена, чёрт возьми! Я имею

право знать!

Он обернулся резко, и я отшатнулась от ярости в его глазах. Настоящей, неподдельной ярости, которую я никогда раньше не видела.

– Ты не имеешь никаких прав! – рявкнул он. – Ты просто... просто оставь меня в покое! Хватит лезть туда, куда тебя не просят!

Это было как пощёчина. Физическая, жгучая пощёчина, от которой зазвенело в ушах.

– Не просят? – повторила я, чувствуя, как подступают слёзы. – Ты мой муж! Я люблю тебя! Я хочу помочь!

– Я не нуждаюсь в твоей помощи, – процедил он сквозь зубы. – Я вообще не нуждаюсь... – он осёкся, отвернулся. – Просто оставь меня в покое, Катя. Пожалуйста.

Когда любимый человек закрывается от тебя намертво, ты начинаешь придумывать объяснения. Измена – самое очевидное. Самое болезненное. И самое простое. Потому что если это измена, то хотя бы понятно, что делать. Уйти. Развестись. Ненавидеть. Жить дальше. Но что делать, когда ты не знаешь, что происходит? Когда твой муж превращается в чужого, но не даёт тебе даже понять – почему?

– Хорошо, – тихо сказала я, отступая. – Я не буду давить на тебя. Но знай – я здесь. Всегда здесь. Когда ты будешь готов поговорить.

Он не ответил. Просто налил себе ещё виски и вышел из гостиной. Я слышала, как хлопнула дверь его кабинета.

Я осталась стоять посреди комнаты, обхватив себя руками, чувствуя, как по щекам текут слёзы. Тихие, горькие, полные бессилия.

Глава 4

Следующие дни были как жизнь с призраком. Денис почти не появлялся дома. Уходил рано, возвращался поздно или вообще не возвращался. На мои звонки не отвечал. На сообщения отвечал односложно: "Занят", "На работе", "Не жди".

Девочки страдали. Лиза перестала улыбаться. Аня замкнулась ещё больше, почти не разговаривала. Однажды вечером я застала Аню плачущей в своей комнате.

– Что случилось, солнышко? – спросила я, присаживаясь рядом.

– Папа нас больше не любит, – всхлипнула она. – Мы что-то сделали не так, и он нас разлюбил.

Сердце разорвалось на миллион осколков.

– Нет, милая. Папа вас любит. Очень любит. Просто у него сейчас трудный период на работе.

– Но он даже не обнимает нас. Не играет с нами. Даже не смотрит на нас.

Что я могла ей ответить? Как объяснить ребёнку то, что не понимала сама?

Я обняла её, прижала к себе, чувствуя, как её маленькое тело содрогается от рыданий. И ненавидела Дениса в этот момент. Ненавидела всей душой за то, что он делает с на-

шими дочерьми. За то, что ломает их сердца. За то, что они чувствуют себя нелюбимыми.

Дети не заслуживают страданий родителей. Они не виноваты в том, что происходит между нами. Но они расплачиваются. Всегда расплачиваются. Потому что не могут защитить себя. Не могут уйти. Могут только страдать молча, пытаясь понять, что они сделали не так, почему папа их больше не любит.

Через неделю после того вечера, когда Денис вернулся таким сломленным, я заметила странную вещь. Он стал... другим. Не просто холодным и отстранённым. Он стал жёстким. Почти жестоким.

Я готовила ужин, когда он пришёл. Услышала, как открылась дверь, как он прошёл в гостиную. Вытерла руки о полотенце, вышла к нему.

– Привет, – сказала я осторожно. – Ты ужинал?

– Да, – ответил он, не глядя на меня.

– Денис, нам нужно поговорить. О девочках. Они...

– Не сейчас, Катя, – перебил он.

– Но они страдают! Они думают, что ты их разлюбил! Ты хоть понимаешь, что творишь?!

Он медленно повернулся ко мне. И то, что я увидела в его глазах, заставило меня сделать шаг назад. Холод. Такой леденящий холод, что мурашки побежали по коже.

– Я делаю то, что должен, – сказал он ровным, безэмоци-

ональным тоном. – И если тебе это не нравится, можешь собирать вещи.

– Что? – я не поверила своим ушам.

– Ты меня слышала. Если ты недовольна, дверь открыта.

Можешь уходить.

Шок. Полный, оглушающий шок. Он... он выгоняет меня? Свою жену? Мать своих детей?

– Ты... ты шутишь? – прошептала я.

– Я никогда не был так серьёзен, – холодно ответил он. – Мне надоело твоё нытьё. Твои попытки "помочь". Твоё постоянное навязывание. Я хочу покоя. А ты мне его не даёшь.

Каждое слово было как удар ножом. Прямо в сердце. Глубоко, до самых костей.

– Но мы же семья, – голос сорвался. – Мы любим друг друга...

– Любили, – поправил он. – Ключевое слово – любили. Прошедшее время. Я больше не чувствую того, что чувствовал раньше, Катя. Прости.

Мир рухнул. Просто взял и рухнул, как карточный домик. Осколки моей жизни разлетелись во все стороны, а я стояла посреди этих руин, не в силах пошевелиться.

Он больше не любит меня.

Эта мысль пронзила насквозь, оставив кровоточащую рану.

– Но почему? – выдавила я сквозь слёзы. – Что я сделала не так? Что изменилось?

– Ничего не изменилось. Просто прошло. Чувства умерли. Бывает. Люди расходятся. Мы не исключение.

Ложь. Каждая клетка моего тела кричала, что это ложь. Что он врёт. Что-то случилось, что-то, что заставило его это говорить. Но что? Что, чёрт возьми, могло превратить любящего мужа в эту холодную, бесчувственную статую?

– А девочки? – прошептала я. – Ты тоже их разлюбил?

— Не знаю. Я сейчас ничего не знаю.

Предательство бывает разным. Иногда это измена. Иногда – ложь. А иногда это когда человек, которого ты знала, просто исчезает, а на его месте появляется чужой. Монстр в маске твоего мужа. И ты не знаешь, где твой настоящий муж. Жив ли он вообще. Или умер, оставив после себя эту пустую оболочку.

– Я не уйду, – сказала я, сжав кулаки. – Это мой дом. Мои дети. Моя семья. И я буду бороться за неё.

– Как хочешь, – пожал плечами он. – Но не жди от меня ничего. Ни любви, ни внимания, ни нежности. Ничего. Я закончил с этим.

Он развернулся и ушёл в свой кабинет. Закрыв дверь. И я знала – он не выйдет до утра.

Я стояла в гостиной, в доме, который больше не был домом, рядом с мужем, который больше не был мужем, и чувствовала, как внутри разрастается пустота. Чёрная, холодная, всепоглощающая пустота, которая съедала меня живём.

Что я сделала не так? За что мне это? Почему мой мир рушится, а я даже не знаю причины?

Вопросы без ответов. Боль без утешения. Жизнь без смысла.

Я опустилась на диван, обхватила себя руками и раскачивалась вперёд-назад, пытаюсь унять дрожь, которая сотрясала всё тело. Холод проникал в самые кости, сковывал дыхание, превращал кровь в лёд.

И я не знала, что это только начало.

Не знала, что через несколько дней он превратит мою жизнь в настоящий ад.

Не знала, что моя ненависть к нему вырастет до таких размеров, что я буду желать ему смерти.

Пока я просто сидела в темноте и плакала, оплакивая смерть нашей любви, нашей семьи, нашего счастья.

Оплакивая человека, который умер, оставив после себя только холодную, безжалостную копию.

Моего мужа больше не существовало.

А тот, кто остался, был чужим. Врагом. Монстром.

И я начинала его ненавидеть.

- _____

Глава 5

Есть такое понятие – свободное падение. Когда ты летишь вниз, и земля приближается с каждой секундой, но ты ничего не можешь сделать. Не можешь замедлить падение. Не можешь зацепиться за что-то. Просто падаешь и падаешь, зная, что впереди только удар. Сокрушительный, разрушающий, смертельный удар. И ты считаешь секунды до него, каждую клеткой своего тела чувствуя приближение конца.

Именно так я себя чувствовала последние три дня. После того разговора, когда Денис сказал мне, что больше не любит. Что чувства умерли. Что я могу убираться, если мне что-то не нравится.

Я падала. И земля приближалась.

Но самое страшное – он не остановился на словах. Он начал действовать.

Утро первого дня после той ночи я проснулась от звука хлопнувшей двери. Денис ушёл. Снова рано, снова без слов. Я встала, прошла в ванную, посмотрела на себя в зеркало.

Боже, на кого я стала похожа.

Опухшие глаза с красными прожилками, бледное лицо, синяки под глазами, сухие потрескавшиеся губы. Волосы всклокочены, кожа серая. Я выглядела как человек, который

не спал неделю. Как призрак. Как тень самой себя.

Отражение в зеркале – это не просто картинка. Это правда, которую нельзя скрыть. Когда ты смотришь на себя и не узнаёшь, когда видишь чужое, измождённое лицо вместо своего, когда понимаешь, что твоя боль вышла наружу и отпечаталась на твоей коже – это значит, что ты сломалась. Окончательно и бесповоротно.

Я умылась холодной водой, пытаюсь привести себя в порядок. Намазала тональный крем, чтобы скрыть круги под глазами. Накрасила губы. Расчесала волосы. Надела улыбку, как маску. Потому что девочки не должны видеть, как их мать разваливается на части.

За завтраком Аня молчала, ковыряя вилкой кашу. Лиза тоже не ела, просто сидела, уставившись в тарелку.

– Девочки, вы же любите кашу с ягодами, – сказала я максимально бодрым тоном. – Ешьте, пожалуйста.

– Не хочу, – тихо ответила Лиза.

– Солнышко, тебе нужно поесть перед садиком...

– Я сказала, не хочу! – она вдруг заплакала, уткнулась лицом в руки. – Я хочу, чтобы папа вернулся! Хочу, чтобы он любил нас, как раньше!

Сердце разорвалось на части.

Я подошла к ней, обняла, прижала к себе. Чувствовала, как её маленькое тело сотрясается от рыданий, и не могла ничего сказать. Потому что не знала, как объяснить то, что не понимала сама.

– Мама, – позвала Аня, и в её голосе была такая взрослая тоска, что захотелось закричать. – Папа правда нас больше не любит? Мы ему мешаем?

– Нет, детки, нет, – задыхаясь, ответила я, обнимая обеих. – Папа вас любит. Очень любит. Просто... просто сейчас у него трудный период. Но это пройдёт. Всё наладится.

Ложь. Я лгала своим дочерям, потому что не могла сказать правду. Потому что правда разорвала бы их на куски. Потому что правда была слишком жестокой даже для меня.

Дети – это зеркало наших отношений. Они впитывают нашу боль, наши страхи, наши разочарования. И как бы мы ни старались скрыть, как бы ни улыбались через силу, они чувствуют. Всегда чувствуют. И страдают молча, думая, что это их вина. Что они сделали что-то не так. Что если бы они были лучше, послушнее, тише, папа бы их не разлюбил.

Я проводила девочек в школу и садик с каменным сердцем. Вернулась в пустой дом. Села на диван и просто сидела, глядя в пустоту.

Что мне делать? Как спасти свою семью? Как вернуть мужа, которого я, кажется, уже потеряла?

Телефон зазвонил, выдернув меня из оцепенения. Подруга, Лена.

– Привет, красотка! Как дела? Давай встретимся на кофе?

– Лена, я... не могу сейчас.

– Кать, что случилось? Ты странно звучишь.

– Ничего. Просто устала.

– Не ври мне. Я тебя двадцать лет знаю. Что-то не так. Это Денис?

Я молчала. Ком в горле не давал говорить.

– Катя, скажи мне. Что он сделал?

– Он... – голос сорвался. – Он сказал, что больше меня не любит. Что чувства умерли. Что я могу уходить.

Тишина на другом конце провода. Потом тихий, шокированный выдох.

– Господи. Катя, это... это невозможно. Вы же были такой идеальной парой!

– Были, – горько усмехнулась я. – В прошедшем времени. А сейчас он чужой. Холодный. Жестокий. Я не узнаю его.

– Может, у него кто-то есть?

Эта мысль пронзила меня, как нож. Я уже думала об этом. Тысячу раз думала. Но слышать это от кого-то другого было невыносимо.

– Не знаю. Возможно. Я не знаю ничего. Он не говорит со мной. Просто... отстранился.

– Кать, послушай меня. Ты не можешь так жить. Ты должна выяснить, что происходит. Может, нанять детектива? Проследить за ним?

– Не знаю. Я просто... я не знаю, что делать.

– Приезжай ко мне. Сейчас же. Тебе нельзя оставаться одной.

– Нет, спасибо. Мне нужно... подумать. Разобраться. Я перезвоню.

Я повесила трубку и снова погрузилась в тишину. Детектив? Слежка? Неужели до этого дошло?

Но что мне ещё оставалось делать?

Вечером Денис вернулся в семь. Рано для него в последнее время. Я готовила ужин, когда услышала, как открылась дверь. Обернулась.

Он вошёл на кухню, и я замерла, увидев его лицо. Оно было... другим. Жёстким. Решительным. Словно он принял какое-то важное решение и теперь шёл до конца.

– Нам нужно поговорить, – сказал он, не здороваясь.

– Хорошо, – кивнула я, вытирая руки о полотенце. – О чём?

– О нашем будущем. Или скорее об отсутствии такового. Холод пробежал по спине.

– Что ты имеешь в виду?

Он прошёл к столу, сел, откинулся на спинку стула. Скрестил руки на груди. Поза закрытая, отстранённая.

– Я хочу развода, Катя.

Эти слова обрушились на меня, как ледяная лавина. Я схватилась за столешницу, чувствуя, как подкашиваются ноги.

– Что?

– Развода. Я подам документы на следующей неделе. И хочу, чтобы к тому времени вас здесь уже не было.

– Денис, ты... ты серьёзно?

– Абсолютно.

Я смотрела на него, не веря, не понимая. Это кошмар. Это просто чёртов кошмар, из которого я сейчас проснусь.

– Но почему? Мы же семья! У нас дети!

– Забирай детей и уходи, – холодно сказал он. – У тебя неделя, чтобы найти жильё. Потом я меняю замки.

Мир остановился. Просто взял и остановился.

– Что? – я не поверила своим ушам. – Ты выгоняешь нас? Своих детей?

– Я выгоняю тебя. Дети – твоя ответственность. Ты их мать. Вот и занимайся ими.

– Но... но куда мы пойдём? У меня нет денег, нет работы!

– Не моя проблема, – пожал плечами он. – Я буду платить алименты. Минимальные, какие положены по закону. Этого хватит на съёмную квартиру и еду. На большее не рассчитывай.

Это был удар ниже пояса. Жестокий, рассчитанный удар, который должен был меня сломать.

– Ты сволочь, – выдохнула я, чувствуя, как слёзы подступают к горлу. – Законченная сволочь. Выгнать собственных детей на улицу!

– Я их не выгоняю. Это ты можешь уходить, если захочешь. Без детей. Отдай их мне! Если хочешь вали без них!

– Что?! Ты хочешь, чтобы я бросила своих дочерей?!

– Я предлагаю тебе выбор, – холодно ответил он. – Либо дети остаются здесь, со мной, я оформляю на них опеку, на-

нимаю нянь, а ты уходишь и живёшь своей жизнью. Либо забираешь их с собой и устраиваешь им жизнь сама. На алименты. Но вместе вы в этом доме не останетесь. Решай.

Меня замутило. Физически замутило. Желудок скрутило, во рту появился кислый привкус, перед глазами поплыли чёрные пятна.

Когда человек, которого ты любила, ставит тебя перед таким выбором, когда он хладнокровно предлагает тебе либо бросить своих детей, либо оказаться на улице вместе с ними, когда он смотрит на тебя холодными, пустыми глазами и не видит твоей боли – это означает, что он умер. Человек, которого ты знала, мёртв. А перед тобой стоит его труп. Холодный, бесчувственный, чужой.

– Это не выбор, – прошептала я сквозь слёзы. – Ты же знаешь, что я никогда не брошу своих детей. Никогда.

– Знаю, – кивнул он равнодушно. – Поэтому и предлагаю. Забирай их. У тебя неделя.

– Какой же ты мерзавец. Какое же ты чудовище. Выгнать на улицу собственных дочерей...

– Я их не выгоняю. Это твой выбор, Катя. Ты решила забрать их с собой. Значит, ты и несёшь за них ответственность.

– Я ненавижу тебя, – выдохнула я. – Всею душой ненавижу. И девочки тоже будут ненавидеть, когда узнают, что ты с нами сделал.

– Пусть, – равнодушно ответил он, вставая. – Неделя, Ка-

тя. Через неделю я хочу, чтобы вас здесь не было.

Он направился к двери, но я схватила его за руку.

– Денис, пожалуйста. Скажи мне, что происходит. Почему ты так изменился? Что я сделала? Я исправлю! Клянусь, я исправлю всё!

Он посмотрел на мою руку на своей, словно это было что-то омерзительное. Потом поднял глаза на меня.

– Ты ничего не сделала, Катя. Просто я больше не хочу быть с тобой. Это так сложно понять?

Он вырвал руку и вышел из кухни. Я слышала, как хлопнула дверь его кабинета.

Я осталась стоять посреди кухни, обхватив себя руками, качаясь вперёд-назад, пытаюсь не разрыдаться. Пытаюсь удержать остатки самообладания.

Развод. Он хочет развода. Хочет выгнать детей. Оставить меня ни с чем.

Отчаяние – это не когда ты плачешь и кричишь. Настоящее отчаяние – это когда ты больше не можешь плакать. Когда слёзы высохли, голос пропал, а внутри только пустота. Холодная, липкая, всепоглощающая пустота, которая разъедает тебя изнутри. Ты стоишь и думаешь: как дальше жить? Как вдохнуть следующий вдох? Как прожить следующую минуту, час, день? И не находишь ответа.

Глава 6

Есть такой момент, когда твоя жизнь переворачивается за одну секунду. Когда всё, что ты строила годами, рушится в один миг. Когда ты стоишь среди обломков своего мира и не понимаешь – как это произошло? Как я оказалась здесь? Как моя сказка превратилась в кошмар?

Именно это я почувствовала в ту неделю, когда мне пришлось собирать вещи и покидать дом, который десять лет считала своим.

Неделя прошла как в тумане. Я ходила по квартире, собирая вещи, складывая в коробки нашу прежнюю жизнь. Игрушки девочек. Их одежду. Мои вещи. Фотографии. Всё, что могло поместиться в несколько чемоданов и коробок.

Лена приезжала каждый день, помогала, поддерживала. Обнимала, когда я срывалась и рыдала над детскими рисунками или старыми фотографиями нашей семьи. Той семьи, которой больше не существовало.

– Мы справимся, – повторяла она. – У меня трёшка, места хватит. Поживёте, пока не встанешь на ноги. Найдёшь работу, снимешь что-то своё.

Я кивала, но внутри была пустота. Какую работу? Я не работала десять лет. У меня не было специальности, опыта,

связей. Кто возьмёт тридцатилетнюю домохозяйку без образования?

Денис почти не появлялся дома. Уходил рано, возвращался поздно. Когда мы сталкивались, он проходил мимо, словно я была невидимкой. Даже не смотрел на девочек. Они пытались заговорить с ним, обнять, спросить – почему, папа, почему ты нас выгоняешь? Он отстранялся, бормотал что-то про дела и уходил.

Дети видят всё. Они чувствуют ложь, отвержение, боль. Аня перестала есть, похудела, стала бледной и молчаливой. Лиза плакала по ночам, я слышала её приглушённые всхлипы сквозь стену. И не могла ничем помочь. Потому что сама разваливалась на части.

На пятый день пришла Вероника. Просто вошла в дом с ключами, которые, видимо, дал ей Денис. Я укладывала вещи в коробки, когда услышала её голос в прихожей.

– Дэн, привет! Я купила продукты, приготовлю нам ужин!

Дэн. Она называла его Дэн. Так фамильярно, так интимно.

Я вышла в коридор. Она стояла с пакетами, улыбалась, а потом увидела меня. Улыбка не исчезла. Наоборот, стала шире. Победоноснее.

– О, привет, Катя. Извини, не знала, что ты ещё здесь.

– Ещё два дня, – процедила я сквозь зубы. – Потом это место полностью твоё.

– Отлично! – она прошла на кухню, как к себе домой. – Я уже планирую ремонт. Хочу переделать гостиную. И дет-

скую... ну, бывшую детскую. Сделаю из неё гардеробную.

Гардеробную. Из комнаты, где спали мои дочери. Где они играли, мечтали, росли.

– Убирайся, – тихо сказала я.

– Что? – она обернулась, всё ещё улыбаясь.

– Убирайся из моего дома. Сейчас же.

– Это уже не твой дом, дорогая. Через два дня ты здесь вообще чужой человек.

Я подошла к ней. Близко. Так близко, что видела каждую пору на её лице, каждую ресничку, накрашенную тушью.

– Если ты не уйдёшь прямо сейчас, я вытащу тебя за волосы. И мне плевать на последствия.

Что-то в моём голосе, в моих глазах заставило её отступить. Улыбка исчезла.

– Ты сумасшедшая.

– Может быть. Но я всё ещё здесь живу. А ты – незваная гостья. Проверим, кто из нас окажется на полу с разбитым носом?

Она схватила свою сумку и выскочила из квартиры, на ходу что-то крича о том, что пожалуется Денису. Мне было всё равно. Пусть жалуется. Пусть он придет и попробует что-то сказать. Я уже ничего не боялась. Бояться было нечего. Хуже некуда.

Унижение – это не просто слова. Унижение – это когда любовница твоего мужа приходит в твой дом и рассказывает, как превратит комнату твоих детей в гардеробную. Когда

она смотрит на тебя с жалостью и превосходством. Когда ты понимаешь, что для неё ты – уже прошлое. Ненужное, стёртое, забытое.

Последний день. Суббота. Девочки проснулись рано, сидели на своих кроватях среди пустых комнат, откуда мы уже вывезли всё. Только голые стены и следы от мебели на полу.

– Мама, – позвала Аня. – А мы правда больше никогда сюда не вернёмся?

Я присела рядом с ней, обняла.

– Правда, солнышко.

– Но это наш дом.

– Был. Теперь мы будем жить в другом месте.

– У тёти Лены?

– Сначала у тёти Лены. Потом найдём свою квартиру. Небольшую, но уютную. Свою.

– А папа?

Я не знала, что ответить. Папа? Какой папа? Тот, кто выгнал своих дочерей на улицу? Тот, кто не обнял их ни разу за эту неделю? Тот, кто заменил их на любовницу?

– Папа будет жить отдельно. Но он будет... навещать вас. Иногда.

Ложь. Я не знала, будет ли он навещать. Не знала, захочет ли вообще видеть их. Но не могла сказать дочерям правду. Не могла разбить их сердца ещё сильнее.

Дети не должны расплачиваться за грехи родителей. Но

они расплачиваются. Всегда. Потому что они беззащитны. Потому что не могут убежать, спрятаться, защитить себя. Могут только страдать молча, пытаюсь понять, почему их мир рушится. Почему папа их больше не любит. Что они сделали не так.

В десять утра приехала машина, которую заказала Лена. Грузовичок для вещей. Мы с водителем загрузили чемоданы и коробки. Не так много, как я думала. Вся наша жизнь уместилась в несколько коробок.

Денис вышел из кабинета, когда мы заканчивали. Остановился в дверях, посмотрел на нас. Я ждала, что он скажет что-то. Хоть что-то. Попрощается с дочерьми. Обнимет их напоследок.

Но он молчал.

– Девочки, – позвала я. – Попрощайтесь с папой.

Аня подошла к нему. Маленькая, хрупкая, с огромными печальными глазами.

– Папа, – тихо сказала она. – Ты будешь по нам скучать?

Я видела, как он сглотнул. Как на секунду что-то мелькнуло в его глазах. Боль? Сожаление? Но он взял себя в руки.

– Я буду занят, – сухо ответил он. – Работа. Дела.

– Но ты приедешь к нам? Хоть иногда?

– Посмотрим.

Посмотрим. Два слова, которые ничего не значили.

Лиза не подошла. Просто стояла рядом со мной, уткнувшись лицом в мою ногу, и плакала. Тихо, безнадежно.

Я подошла к Денису. Посмотрела ему в глаза. В эти холодные, пустые глаза, в которых раньше была любовь.

– Надеюсь, тебе будет с ней хорошо, – сказала я. – Надеюсь, она даст тебе то, чего я не смогла. Но знай – когда-нибудь ты пожалеешь. Когда-нибудь ты проснёшься и поймёшь, что потерял. И будет поздно.

– Не строй иллюзий, Катя, – холодно ответил он. – Я не жалею. И не пожалею. Ты была ошибкой. Проходной станцией. Я давно это понял.

Каждое слово было как удар. Но я не отступила.

– Ты всё-таки стал тем, чего я в тебе никогда не видела. Чудовищем. Поздравляю.

Я развернулась, взяла девочек за руки. Мы вышли из квартиры. Последний раз я оглянулась на порог. Десять лет моей жизни остались за этой дверью. Десять лет счастья, которое оказалось ложью.

Дверь закрылась. И я услышала, как щёлкнул замок.

Изгнание свершилось.

Мы ехали к Лене в тишине. Девочки сидели, прижавшись ко мне, молчали. Аня смотрела в окно. Лиза держала свою куклу и тихо всхлипывала.

Я смотрела на мелькающий город и думала: как я дошла до этого? Как из любимой жены успешного хирурга я превратилась в изгоя без дома, без денег, без будущего?

Когда тебя выбрасывают на улицу с двумя детьми и

несколькими чемоданами, ты понимаешь, как мало у тебя было своего. Как ты жила в чужом мире, чужими деньгами, чужой жизнью. И как легко тебя из этой жизни вычеркнуть. Одним холодным решением. Ты ничто. У тебя нет прав. Нет голоса. Есть только твои дети, которые смотрят на тебя огромными испуганными глазами и ждут, что ты всё исправишь. А ты не можешь. Потому что сама сломлена. Сама не знаешь, как дальше жить.

Лена встретила нас у подъезда. Обняла меня, потом девочек.

– Добро пожаловать домой, – сказала она. – Это временно, но пока это ваш дом.

Мы поднялись на пятый этаж. Трёшка была старой, потёртой, но чистой и уютной. Лена показала нам комнату – небольшую, с двумя кроватями и шкафом.

– Девочкам тут будет хорошо, – сказала она. – А ты, Кать, будешь спать на диване в гостиной. Ничего?

– Всё отлично, – ответила я, и слёзы снова подступили к горлу. – Спасибо, Лен. Я... я не знаю, что бы мы делали без тебя.

– Ерунда. Мы с тобой двадцать лет дружим. Думаешь, я брошу тебя в такой момент?

Девочки молча разложили свои вещи. Я помогла им, потом мы сели на кухне, пили чай. Лена пыталась шутить, развлекать детей, но они только грустно улыбались.

Вечером, когда девочки уснули, мы с Леной сидели на

кухне. Я смотрела в окно на серый двор, на старые хрущёвки, на качели, заросшие травой.

– Как ты? – тихо спросила Лена.

– Не знаю, – честно ответила я. – Я не знаю, как жить дальше. У меня нет денег. Нет работы. Нет ничего.

– Найдёшь работу. Я помогу. У меня есть связи. Что-нибудь подыщем.

– Кто возьмёт домохозяйку без опыта?

– Возьмут. Продавцом, официанткой, уборщицей – не важно. Главное – начать. А там видно будет.

Я кивнула, но внутри была тьма. Уборщицей. Я, которая жила в пентхаусе, носила дизайнерские платья, ездила на дорогих машинах, буду мыть полы. Унижение? Или справедливость?

Может, он прав. Может, я действительно была ошибкой. Провинциалкой, не дотягивающей до его уровня. Серой мышью, которая притворялась принцессой.

– Не думай о нём, – Лена словно прочитала мои мысли. – Он ублюдок. Он не достоин тебя. И ты докажешь ему это.

– Как?

– Выживешь. Встанешь на ноги. Построишь новую жизнь. Лучшую. Без него.

Я хотела верить. Но не получалось.

Изгнание из рая – это не просто потеря дома. Это потеря себя. Потому что ты больше не знаешь, кто ты. Жена? Нет, ты брошенная. Мать? Да, но какая мать, которая не может

дать своим детям ничего? Женщина? Какая женщина, если тебя выбросили, как ненужную вещь? Ты теряешь все свои роли, все свои ориентиры. И остаёшься ничем. Пустотой в форме человека.

Я легла на диван в гостиной, укрылась старым пледом. За стеной храпел сосед. Где-то плакал ребёнок. Капал кран на кухне.

Это теперь моя жизнь. Чужая квартира. Чужие звуки. Чужой мир.

Моя прежняя жизнь умерла.

Глава 7

Жизнь в чужой квартире – это особый вид унижения. Когда ты просыпаешься на диване в гостиной, укрытая старым пледом. Когда слышишь чужие звуки – храп соседей за стеной, плач ребёнка этажом выше, лай собаки во дворе. Когда пользуешься чужими вещами, ешь за чужим столом, извиняешься за каждое движение.

Лена старалась. Изо всех сил старалась сделать так, чтобы мы чувствовали себя как дома. Но это было не наше. Не наше пространство, не наша жизнь, не наш мир.

Девочки спали в маленькой комнате на двух кроватях, которые Лена наскоро купила в ИКЕЕ. Просыпались по утрам с грустными лицами, молчали за завтраком. Аня похудела, стала бледной, замкнутой. Лиза плакала по ночам – тихо, в подушку, но я слышала каждый всхлип через тонкую стену.

Я пыталась найти работу. Каждый день выходила с утра, обходила районы, заходила в магазины, кафе, офисы. Оставляла резюме, заполняла анкеты, улыбалась, когда мне отказывали.

- У вас нет опыта.
- Мы не набираем сейчас.
- Приходите через месяц.
- Вы не подходите.

Отказ за отказом. День за днём. Моё резюме было пу-

стым листом. Десять лет домохозяйкой. Что я умела? Готовить ужины для мужа. Воспитывать детей. Ходить по бутикам. Устраивать приёмы. Навыки, которые никому не нужны на реальном рынке труда.

Бедность – это не просто отсутствие денег. Бедность – это когда ты стоишь в очереди в супермаркете и считаешь каждую копейку, выбирая между хлебом и молоком. Это когда ты откладываешь самые дешёвые макароны и крупы, избегая взглядов других покупателей. Это когда твои дети просят купить им игрушку, а ты говоришь "не сейчас", зная, что не сможешь купить её никогда. Это когда ты понимаешь, что твоя прежняя жизнь была иллюзией, а это – реальность. Жестокая, беспощадная, унижительная реальность.

Лена помогала, как могла. Давала деньги на еду, покупала детям одежду, не принимала от меня плату за жильё. Но я видела, как ей тяжело. Она сама едва сводила концы с концами – работала бухгалтером в небольшой фирме, получала копейки. Троих лишних ртов она прокормить не могла. Но молчала. Не жаловалась. Просто улыбалась и говорила: "Ничего, справимся".

Я чувствовала себя паразитом. Обузой. Балластом, как сказал Денис.

На седьмой день, вечером, я сидела на диване с телефоном. Искала вакансии. Уборщица, посудомойка, продавец, курьер. Любая работа. Лишь бы заработать. Лишь бы не быть

обузой.

Телефон завибрировал. Сообщение от Лены.

"Кать, ты видела это? Мне жаль, но ты должна знать."

Следом пришла ссылка. На страницу в соцсети.

Сердце ёкнуло. Я открыла ссылку.

И мир снова рухнул.

Фотография. Профессиональная, глянцевая, идеально выстроенная. Денис в дорогом смокинге, с безупречной причёской, с холодной улыбкой на губах. А рядом – она. Вероника. В красном платье, облегающем каждый изгиб её тела. С ярким макияжем, длинными распущенными волосами, с триумфальной улыбкой. Она держалась за его руку. Владельчески. Уверенно.

Подпись под фото: "Благотворительный вечер в поддержку клиники 'Сердце Жизни'. Доктор Денис Князев с коллегой Вероникой Самойловой."

Коллега. Какая же гребаная colega.

Я пролистала дальше. Ещё фото. Они на красной дорожке. Они за столом, поднимающие бокалы. Они танцуют, прижавшись друг к другу. На каждом фото – они вместе. Красивые, счастливые, успешные.

А в комментариях...

"Какая красивая пара!"

"Доктор Князев наконец-то нашёл себе достойную спутницу."

"А где его жена? Кто-нибудь знает?"

"Слышала, они развелись. Он выгнал её. Она, кажется, была какая-то серая мышь, не соответствовала его уровню."

"Ну и правильно сделал. Зачем успешному мужчине провинциалка?"

Меня замутило. Физически. Желудок скрутило, в горле встал ком, перед глазами поплыли чёрные пятна. Я едва успела добежать до туалета, прежде чем меня вывернуло наизнанку.

Рвало долго, мучительно. До тех пор, пока не осталось ничего, кроме желчи и боли. Я сидела на холодном кафельном полу, прислонившись спиной к стене, и не могла остановить слёзы.

Предательство может быть разным. Измена – это больно. Ложь – это больно. Но когда твоё унижение выставляют на показ, когда весь мир видит, как тебя заменили, как выбросили, как называли серой мышью, провинциалкой, недостойной – это убивает. Это разрывает душу на части, оставляя кровоточащие раны, которые никогда не заживут.

– Мама? – тихий голос Ани за дверью. – Ты там?

Я вытерла лицо, встала, открыла дверь. Аня стояла с испуганными глазами.

– Всё в порядке, солнышко. Просто живот заболел. Наверное, что-то не то съела.

– Ты плакала?

Нельзя лгать детям. Они всегда чувствуют. Всегда знают.

– Немного, – призналась я. – Но сейчас всё хорошо. Иди,

ложись спать. Поздно уже.

Она посмотрела на меня долгим, взрослым взглядом. Потом обняла меня за талию, прижалась.

– Я тебя люблю, мама. Ты самая лучшая.

Сердце разрывалось. Я обняла её, прижала к себе, чувствуя, как по щекам снова текут слёзы.

– И я тебя люблю, моя умница. Больше жизни.

Когда она ушла в комнату, я вернулась на диван, снова открыла телефон. Смотрела на те фотографии. На его лицо. На её торжествующую улыбку.

Вероника. Я помнила её ещё молодой медсестрой – амбициозной, хитрой, всегда смотревшей на мою жизнь голодными глазами. Она пришла работать в его клинику два года назад. Молодая, красивая, с горящими глазами и готовностью на всё ради карьеры. Я не придавала значения. Думала, что она просто работает. Что между ними ничего нет. Что я – его жена, мать его детей, что я – незаменима.

Какой же я была наивной душой.

Она охотилась за ним. Целенаправленно, методично. Видела в нём билет в роскошную жизнь. Деньги, статус, связи. Всё, что она хотела. И он... он позволил ей себя поймать. Или сам выбрал её, чтобы заменить меня.

Ревность – это не эмоция. Это болезнь, которая пожирает тебя изнутри. Ты видишь их вместе и представляешь, как он целует её, как трогает, как говорит ей те же слова, что когда-то говорил тебе. Ты сходишь с ума от мыслей о том,

что она теперь спит в твоей постели, живёт в твоём доме, занимает твоё место. А ты – никто. Выброшенная, забытая, униженная.

Я пролистала его страницу дальше. Фотографии с этого вечера были повсюду. Репосты, лайки, комментарии. Все восхищались ими. Все говорили, какая красивая пара. Никто не спрашивал о его жене. О его детях. Мы исчезли из его жизни, как будто нас никогда и не было.

А потом я увидела ЕЁ страницу.

Вероника Самойлова. Статус: "В отношениях". С кем – не указано, но по фотографиям всё было ясно. Она выложила целый альбом с того вечера. Десятки фото. Они вместе. Она в его объятиях. Она смеётся. Она счастлива.

И фото из квартиры. Нашей квартиры. Того пентхауса, который был моим домом десять лет.

Она сидела на нашем диване. Готовила на нашей кухне. Стояла у панорамных окон с бокалом вина.

Подписи под фото:

"Обожаю этот вид!"

"Готовлю ужин любимому"

"Мой новый дом"

Мой новый дом. Она назвала МОЙ дом своим.

А в комментариях – мои бывшие знакомые. Те, с кем я дружила, когда была женой успешного хирурга. Теперь они писали ЕЙ комплименты.

"Вероника, ты ослепительна!"

"Какой шикарный пентхаус!"

"Вы так подходите друг другу!"

"Наконец-то рядом с Денисом достойная женщина!"

Меня словно стёрли. Вычеркнули из истории. Десять лет жизни, десять лет рядом с ним – всё это исчезло. Как будто меня никогда не существовало.

Я швырнула телефон на диван, встала, подошла к окну. Смотрела на старый двор с покосившимися качелями, на облезлые хрущёвки, на мусорные баки у подъезда. Это была моя новая реальность. А он там, в нашем пентхаусе, в сиянии огней, с новой женщиной, в новой жизни. Без меня. Без детей. Свободный. Счастливый.

Ненависть вскипела внутри, горячая, жгучая, всепоглощающая. Я ненавидела его. Ненавидела ЕЁ. Ненавидела весь этот мир, который позволил ему просто так избавиться от нас. Который аплодировал ему. Который считал его героем, а меня – жалкой неудачницей.

Когда тебя предают, когда заменяют, когда унижают публично – внутри что-то ломается навсегда. Ты больше не та наивная дурочка, которая верила в любовь. Ты становишься другой. Жёсткой. Злой. Готовой на всё, чтобы выжить. И если нужно – чтобы отомстить.

Я стояла у окна до глубокой ночи, планируя. Думая. Решая, что делать дальше. Я не могла просто так сдаться. Не могла позволить ему выиграть. Не могла дать ей наслаждаться моей жизнью, пока я существую на правах приживалки у

подруги с голодными детьми.

Я найду работу. Любую. Встану на ноги. Подниму детей. Сниму свою квартиру. Стану сильной, независимой, успешной. И однажды вернусь. Не как жалкая попрошайка, а как женщина, которую уже не сломать. И тогда он пожалеет. О каждом слове. О каждой поступке. О том, что выбросил нас.

Но пока я просто стояла в чужой квартире, смотрела в окно на чужой двор и ненавидела. Ненавидела всей душой. Всем сердцем. Всем своим существом.

Утром я проснулась с чётким планом. Работа. Мне нужна была любая работа. Я не могла больше сидеть на шее у Лены. Не могла смотреть, как она из последних сил кормит нас.

Я оделась, разбудила девочек, наскоро накормила их кашей.

– Мама, а мы пойдём в школу? – спросила Аня.

Школа. Нужно было переводить их в школу и садик по новому месту жительства. Ещё одна проблема в бесконечном списке проблем.

– Скоро, солнышко. Сначала мама должна найти работу, устроить всё, потом мы вас определим.

– Но я не хочу в другую школу, – тихо сказала Аня. – Там будут чужие дети. Они будут спрашивать, где наш папа. Что мы скажем?

– Скажете, что папа работает. Живёт отдельно.

– А почему он не живёт с нами? Почему не звонит?

Я не знала, что ответить. Денис не звонил ни разу с того дня, как мы уехали. Ни разу не поинтересовался, как дети. Где мы живём. Хватает ли денег. Ничего. Просто вычеркнул нас из своей жизни.

– Папа очень занят, – соврала я в очередной раз. – Но он вас любит.

– Нет, не любит, – тихо сказала Аня, и в её голосе была такая взрослая горечь, что сердце сжалось. – Если бы любил, не выгнал бы нас.

Восемь лет. Ей всего восемь лет, а она уже понимает, что такое предательство. Что такое боль. Что такое быть нежеланной.

Дети не должны терять веру в мир так рано. Не должны понимать, что любовь – это иллюзия, что взрослые лгут, что родители могут предать. Но они понимают. Потому что видят. Потому что чувствуют. И ты ничего не можешь с этим поделать. Только обнять их и надеяться, что когда-нибудь они простят тебя за то, что не смогла защитить их детство.

Я вышла на улицу. Целый день ходила по району. Заходила в магазины, кафе, парикмахерские, аптеки. Везде оставляла контакты, заполняла анкеты.

К вечеру вернулась домой без результата. Ни одного предложения. Ни одного "мы вам перезвоним".

Лена встретила меня на пороге.

– Ну что?

– Ничего, – устало ответила я. – Везде отказ.

– Не сдавайся. Что-нибудь найдётся. Обязательно.

Но в её глазах я видела беспокойство. Она понимала – так долго продолжаться не может. Рано или поздно её терпению придёт конец. Рано или поздно она скажет: "Кать, извини, но я больше не могу". И я её не виню. Никто не обязан тащить на себе чужую семью.

Я легла на диван, накрылась пледом, смотрела в потолок. Думала о Денисе. О Веронике. О той жизни, которая была у меня и которую я потеряла.

Я не сдамся. Найду работу. Встану на ноги. Подниму детей. И докажу всем, что я не серая мышь. Не провинциалка. Не жалкая неудачница.

Я – мать. Женщина. Боец.

И я выживу.

Назло им всем.

Глава 8

Хозяйка кафе, Валентина Петровна, смотрела на меня долгим, оценивающим взглядом. Пятьдесят лет, крупная, с тяжёлыми золотыми кольцами на пальцах и таким выражением лица, словно весь мир ей был должен.

– Опыт есть? – спросила она, скрестив руки на груди.

– Нет. Но я готова работать. Очень нужна работа.

– Дети есть?

– Две дочери. Восемь и шесть лет.

– Муж?

– Развелись.

Она хмыкнула.

– Понятно. Очередная брошенка. Таких тут пруд пруди.

– Она обошла меня кругом, как на смотре скота. – Руки покажи.

Я протянула руки. Она посмотрела на них, потрогала.

– Нежные. Не работала никогда физически, верно?

– Дома работала. Хозяйством занималась.

– Это не работа. Это баловство. – Она отпустила мои руки.

– Платить буду пятнадцать тысяч. За полный день, с восьми до восьми. Без выходных. Первая неделя – испытательный срок, за неё не плачу. Справишься – останешься. Нет – пойдёшь искать дальше. Согласна?

Пятнадцать тысяч. За двенадцать часов работы. Семь дней в неделю. Без оплаты первой недели. Это было грабёжом. Эксплуатацией. Унижением.

– Согласна, – сказала я.

Потому что выбора не было.

Унижение начинается не тогда, когда ты делаешь грязную работу. Унижение начинается тогда, когда ты соглашаешься на условия, которые раньше назвала бы рабством. Когда ты улыбаешься человеку, который издевается над тобой, потому что боишься потерять эту жалкую работу. Когда ты говоришь "спасибо" за то, что тебя эксплуатируют. Потому что у тебя дома голодные дети. И ты готова на всё. Абсолютно на всё.

Первый день был адом. Мытьё полов, столов, туалетов. Вынос мусора. Грязная посуда, которую не успевала мыть посудомойщица – старая, вечно пьяная тётка, которая больше курила на заднем дворе, чем работала. Жир, копоть, грязь. Мои руки покрылись красными пятнами от моющих средств. Спина ломилась так, что к вечеру я едва могла разогнуться.

А Валентина Петровна ходила, проверяла, придиралась к каждой мелочи.

– Здесь плохо вытерла. Переделай.

– Пол грязный. Помой заново.

– Что ты там копаешься? Быстрее работай!

Я молчала. Стискивала зубы и делала. Снова и снова. По-

тому что не могла позволить себе потерять эту работу. Даже такую. Даже за такие деньги.

К концу дня я еле стояла на ногах. Вернулась к Лене в половине девятого вечера. Девочки сидели на диване, ждали меня. Лена разогревала им ужин – гречку с сосисками.

– Мама! – Лиза кинулась ко мне, обняла. – Ты так долго! Мы ждали!

– Прости, солнышки. Мама работала.

Я посмотрела на Лену виноватым взглядом. Она снова кормила моих детей. Снова тратила свои деньги.

– Лен, я...

– Тихо, – перебила она. – Ешь. Тебе тоже оставила.

Я села за стол. Лена поставила передо мной тарелку. Я смотрела на еду, и в горле стоял комок. Стыд. Жгучий, унижительный стыд. Я не могла прокормить своих детей. Не могла дать им ничего. Даже ужин покупала подруга.

Голод – это не когда ты пропустила обед. Голод – это когда твои дети едят за чужим столом, чужую еду, и ты ничем не можешь отплатить. Это когда ты понимаешь, что стала обузой. Паразитом. Что живёшь на чужой счёт и не знаешь, как выбраться из этой ямы.

После ужина я уложила девочек спать. Вышла на кухню. Лена сидела с чаем, смотрела в окно.

– Лен, спасибо, – тихо сказала я. – За всё. Я... я скоро начну платить. Первую неделю не заплатят, но потом...

– Катя, хватит, – устало сказала она. – Не благодари меня

постоянно. Ты бы на моём месте сделала то же самое.

– Но я не могу так вечно...

– Знаю. Найдёшь ещё одну работу. На полставки. Как-нибудь выкрутимся.

Ещё одну работу. При двенадцатичасовом рабочем дне. Когда я ещё буду спать? Видеть детей?

Но выбора не было.

– Я постараюсь, – кивнула я.

Лена посмотрела на меня долгим взглядом.

– Кать, а ты Денису звонила? Он хоть алименты отправляет?

– Нет. Ничего не отправляет. Я писала. Не отвечает.

– Подавай в суд. Он обязан платить!

– На суд нужны деньги. Адвокат, документы. У меня нет даже на еду.

– Тогда через соцзащиту. Бесплатно можно.

Я кивнула, но знала – это займёт месяцы. Бюрократия, очереди, волокита. А есть детям нужно сейчас. Каждый день.

После того, как Лена ушла спать, я достала телефон. Посмотрела на его номер. Мои пальцы дрожали над экраном. Позвонить? Попросить помощи? Хотя бы денег на еду для детей?

Гордость говорила: не звони. Не унижайся ещё больше. Он выгнал вас. Он не хочет вас видеть. Зачем тебе его жалость?

Но материнский инстинкт был сильнее. Я позвонила.
Гудки. Один. Два. Три. Четыре.

– Абонент недоступен, – механический голос.

Он сбросил. Просто взял и сбросил мой звонок.

Я попробовала ещё раз. Снова сброс.

Написала сообщение: "Денис, девочки спрашивают о тебе. Переведи хотя бы немного денег на еду. Пожалуйста."

Сообщение ушло. Две галочки. Прочитано.

Ответа не было.

Я ждала час. Два. Три. Смотрела на экран, надеясь, что появится хоть что-то. Хоть слово. Хоть чёртов смайлик.

Ничего.

Игнор – это не просто отсутствие ответа. Игнор – это послание. Ты для меня не существуешь. Твои проблемы меня не касаются. Твои дети меня не волнуют. Ты – ничто. И я даже не потрачу на тебя секунду своего времени.

Я швырнула телефон на диван, легла на свой диван, натянула на себя тонкий плед. Закрыла глаза. Но сон не шёл. Просто лежала в темноте, слушала, как храпит сосед за стеной, и чувствовала, как внутри всё умирает.

Утром я встала в шесть, чтобы успеть до работы. Разбудила девочек. Лена уже приготовила им завтрак – кашу. Я молча поблагодарила её взглядом.

Нужно было отвести девочек в школу и садик – я устроила их туда на прошлой неделе, по новому адресу проживания.

Дорога заняла двадцать минут. Мы ехали на автобусе, потому что идти было далеко. Девочки молчали. Лиза держалась за мою руку. Аня смотрела в окно, понутив голову.

У школы собрались другие дети с родителями. Я сразу почувствовала их взгляды. Оценивающие, осуждающие. Моя потёртая куртка, старые джинсы, стоптанные кроссовки. Дешёвая одежда девочек, которую я купила на рынке на последние деньги. Мы выделялись. Были чужими.

– Смотри, это те новенькие, – услышала я чей-то шёпот. – Из богатого района. Говорят, муж выгнал. Теперь живут где-то в трёшке на окраине.

– Да ну? За что?

– А кто знает. Наверное, изменяла или что-то такое.

Мурашки побежали по коже. Я сжала кулаки, заставляя себя не оборачиваться, не реагировать. Аня услышала. Я видела, как её плечи напряглись.

– Мама, – тихо сказала она. – Можно я не пойду в школу?

– Нет, солнышко. Нужно учиться.

– Но они...

– Не обращай внимания. Они просто сплетничают.

– А если спросят про папу? Что сказать?

– Скажи, что папа работает. Живёт отдельно.

Восемь лет. А она уже понимает, что её семья – объект для сплетен. Что они – изгои. Что в них тыкают пальцем.

Я проводила её до класса, поцеловала в лоб.

– Всё будет хорошо. Обещаю.

Она кивнула и вошла в класс. Я смотрела ей вслед, чувствуя, как сердце разрывается.

Отвела Лизу в садик, быстро поцеловала и побежала на работу. Опаздывать нельзя было. Валентина Петровна не прощала опозданий.

Рабочий день тянулся мучительно долго. Мытьё, уборка, вынос мусора. Руки болели, спина ныла, в голове стучало от усталости и голода. Я ничего не ела с утреннего завтрака – каши у Лены. Желудок сводило, кружилась голова, но я продолжала работать.

В обед, когда я мыла пол в зале, зашла компания молодых девушек. Модно одетых, накрашенных, с дорогими сумками. Из тех районов, где я раньше жила. Они сели за столик, заказали кофе и пирожные, громко смеялись, обсуждая что-то.

Я продолжала мыть пол, стараясь быть незаметной. Но одна из них вдруг посмотрела на меня и замерла. Её лицо изменилось – удивление, потом узнавание, потом... злорадство.

– Катя? – позвала она. – Катя Князева?

Я подняла глаза. И узнала её. Марина. Жена одного из коллег Дениса. Мы встречались на корпоративах, пили вместе шампанское, обсуждали моду и путешествия. Она считала меня подругой. Когда-то.

– Привет, Марина, – выдавила я.

Девушки за столиком замолчали, уставившись на меня. Марина медленно огляделась вокруг – кафе, моя форма

уборщицы, швабра в моих руках.

– Вот это да, – протянула она. – Катя Князева моет полы. Кто бы мог подумать.

В её голосе было такое презрение, такая насмешка, что мурашки побежали по коже.

– Работаю, – коротко ответила я, стараясь держать себя в руках.

– Вижу. Как низко же ты пала. – Она повернулась к подругам. – Девочки, знаете, кто это? Это бывшая жена доктора Князева. Та самая, которую он выгнал за... ну, вы понимаете.

– За что? – с любопытством спросила одна из девушек.

– Ну, ходили слухи, что изменяла. Хотя, глядя на неё сейчас, я понимаю, почему он от неё избавился. Серая мышь. Провинциалка. Он заслуживает лучшего.

Меня трясло. От унижения, от ярости, от бессилия. Я хотела уйти, но ноги не слушались.

– А он сейчас с этой... как её... Вероникой? – спросила другая девушка.

– Да! Она потрясающая. Красивая, умная, амбициозная. Настоящая пара для такого мужчины. – Марина снова посмотрела на меня. – А ты, Катя, довольна своей новой жизнью? Хватает денег? Дети-то как?

Это был не вопрос. Это было издевательство. Она наслаждалась моим унижением, смаковала каждую секунду.

– Всё отлично, – процедила я сквозь зубы.

– Ну-ну. Видно по тебе, как отлично. – Она достала из

сумки пятисотку, бросила на стол. – Вот, на чай. Может, детям на еду купишь.

Публичное унижение – это не когда тебя оскорбляют. Это когда знакомая женщина, с которой ты пила шампанское на вечеринках, кидает тебе купюру как милостыню. На глазах у всего кафе. Когда она смотрит на тебя как на мусор. Когда ты понимаешь, что для неё – и для всех остальных – ты больше не человек. Ты – падшая. Изгой. Объект для насмешек.

Я посмотрела на эту купюру. Потом на Марину. И что-то внутри меня сломалось.

– Засунь свои деньги себе в задницу, – тихо сказала я.

Её лицо исказилось.

– Что?!

– Ты меня услышала. Я не нищенка. И не буду брать твою грёбаную милостыню.

– Да ты...

– Заткнись. Просто заткнись и уходи. И передай Денису, когда увидишь – он получит всё, что заслужил. Рано или поздно.

Я развернулась и пошла к подсобке. За спиной слышала возмущённые голоса, но мне было всё равно. Я зашла внутрь, закрыла дверь, прислонилась к стене.

Руки тряслись. Всё тело тряслось. Я медленно сползла по стене на пол, обхватила колени руками.

Унижение – это не боль. Это что-то хуже. Это когда твоё достоинство растаптывают на глазах у всех. Когда смеются

над твоим падением. Когда тебя больше не воспринимают как равную. И самое страшное – когда ты понимаешь, что они правы. Что ты действительно пала. Что из жены успешного хирурга превратилась в уборщицу, которая моет полы за гроши.

Дверь распахнулась. Валентина Петровна стояла на пороге с красным лицом.

– Что за цирк там устроила?! Клиенты жалуются!

– Извините, – выдавила я. – Больше не повторится.

– Точно не повторится! Потому что ты уволена! Собирай вещи и уходи!

– Но...

– Никаких "но"! Мне не нужны скандалистки! Проваливай!

Я встала, молча прошла к своему шкафчику, достала куртку. Валентина Петровна стояла, скрестив руки на груди, наблюдая, как я собираюсь.

– И не рассчитывай на оплату за испытательный срок. Ты его не прошла.

Конечно. Я проработала неделю бесплатно. И даже этих жалких денег не получу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.